

Матъяна Мудрая

АГЕНЦІ

НА ГЕРБОВОМЪ ЩИТѢ

SHOUT
SHARE **IT**

- Тациана Мудрая

Тациана Мудрая

Агнец на гербовом щите

*«Мужество — в том, чтобы
стремиться к трудностям».*

*Девиз   рода   князей
Радзивиллов*

Из рассказней Михася Папени, домотканого археолога

Я помешал палкой в костерке. Нужды в этом не было — огонь горел ровно, потрескивая как нельзя более уютным образом. В самом костерке — тоже: ночь была июльская, теплая. Просто наша археологическая компания разыгралась на радостях в отсутствие главного раскопчного начальства, которое отправилось в город, чтобы доложить начальству еще главнейшему.

А я сам...

Ну, во-первых, я культуролог, а на работу в поле стараются брать историков, причем сильный мышцей студент-второкурсник всегда даст фору хилому дипломнику и уже тем его предпочтительней. Очевидно, оттого наша дружная гомельская компания слегка меня и сторонилась, особенно во время пирушек.

Во-вторых, сам повод для радости был какой-то... амбивалентный, что ли. Вчера посреди руин бывшего монастыря иезуитов, где мы сотворили раскоп, один из нас обнаружил остатки двух знаменитых слущких поясов. Перемешанные с мелкими фрагментами скелетов и тряпьем, в которое обратилась одежда, почти неотличимые от земли, кое-где спутанные в комок, они всё же блестели чистой золотой нитью, едва на них падал луч света. Мне не привыкать, что археологи по своей природе нищекрадцы, помоечники и гробозоры, тем более что тут не было никаких следов захоронения. Будто эти двое обнялись напоследок, да так и застыли в последнем сне. Ничего удивительного, кстати, — всякие там рокоши, нашествия завоевателей и национально-освободительные войны сотрясали этот край с периодичностью нильских наводнений. Одна из них в конце восемнадцатого века наполовину разрушила старинный

замок несвижской ветви Радзивиллов, что стоял на этом месте чертову уйму столетий: Орден Иисуса обосновался уже в порядком изношенных стенах и вынужден был возводить над ними свинцовую крышу.

А третье...

Ведь всегда бывает третье, правда? На сладкое, на горькое и просто оттого, что Бог Троицу любит?

Третье состоит в том, что самый воздух в таких местах дышит старыми преданиями, как сказал бы Иозеф Игнацы Крашевский. И отчетливей всего я чувствую это вот в такое время, как сейчас — когда вечер потихоньку сгущается в ночь, и пламя от сушняка видно за версту, и так и кажется, что вот-вот из чащи выйдет странник и заговорит со мной.

...На нем была простая рубаха с тонкой полоской вышивки у ворота и штаны, которые он заправил в грубые сапоги. Ничего особенного не было ни в лице, ни в одежде. Обыкновенная физиономия средней жизненной потрепанности — ни усов, ни стрижки «под горшок», ни соломенного капелюха с лаптями или чем там еще, что могло бы определить его как крестьянина или интеллигента. Вот только пояс. Широкий серебристо-зеленый пояс с роскошными кистями. Уж никак не шляхетский и кунтушовый — кунтуша на плечах этого гражданина явно не водилось даже в суровую зимнюю пору.

Мы молча кивнули друг другу — кто я, чтобы разговаривать с ожившими отзвуками моих мыслей?

— Ты разрешишь? — он кивнул мне, точно в ответ моему беззвучному позволению, и уселся на корточки точно против меня.

— С чем явился, пане Тадеуш? — спросил я после недолгого молчания.

— Почему ты так меня назвал — как Костюшко?

— Кушак у тебя самого свободомыслящего цвета. Противного Империи Российской.

— Или просто будничного, — он усмехнулся.

— Догадался о сегодняшней находке? Или заранее знал?

— Просто ждал.

— Чего?

— Сказочку тебе рассказать.

— Ну так расскажи.

По давнишним встречам я знал, что мой собеседник так просто не является. Имя у него может оказаться другим, внешность и костюм — совершенно не похожими на прежние. Всё зависит от настроения.

— Тогда слушай и врать не мешай. Про старую крепость вы, я так понял, догадались. Юровичский замок. Жил тут одно время — ну не то что прямо уж побочный потомок Пане-Коханку, но, говорят, от какого-то не шибко почетного брака. Из одного того, что князь со своей молодой женой развелся — семь лет и семь месяцев Папу Римского уламывал, — ясно, что она была за сокровище. Однако сынок получился храбрый, каким шляхтичу быть достойно, не в отца красивый, не в мамашу добродетельный, а уж богатый и владетельный! Звали его... Ну, положим, князь Жигимонт. Только вот захотел юный князь, как исполнилось ему ровно восемнадцать лет, жениться на простой местной шляхтянке из тех, у кого если собака на дворе врастажку ляжет, так зараз и хвост за воротами. Однако хороша собой была панна эта необыкновенно — как говорил один литвин, нет на свете царицы краше ляшской девицы.

— Не так вовсе он говорил. И вообще неохота мне слушать, как Жигимонтовы родичи браку противились и кровь обоим молодым людям портили.

— Не перебивай. И вовсе никто ему, пану Жигимонту этому, слова поперек не сказал. Он хоть и добр так добр, мягок так мягок, однако же от семени самого Пане-Коханку. А тот, когда сам король Станислав Август Понятовский попросил у него парочку ткачей, чтобы свое поясное дело открыть, заявил: «Король в Кракове, а Кароль в Несвиже. Секреты здешние не для даренья и не на продажу». Так и пропали зазря эти секреты, между прочим.

Так вот, идем дальше. Богатства в замке Радзивиллы собрали немеряно, земель было вдоль и поперек нехожено, а Басина краса, как говорится, белый день затмевала.

— Барбарой ее звали, значит. Как королеву.

— А она никем иным отроду и не была. Водворил, значит, наш юный магнат свою хозяйшку в замок и осыпал златом-серебром, окружил дорогим узорочьем и мягкой рухлядью, портретами и раритетами. Было в том замке, по слухам, столько комнат, сколько дней в году, и среди них три больших залы — Золотая, Серебряная и Бриллиантовая. Стены зал и в самом деле сплошь были одеты золотом, серебром и небольшими алмазами. В Золотой Зале стояли также двенадцать апостолов из чистого золота, каждый в рост человека; вывезены они были в свое время из града Константинова еще меченосцами. Обои для стен других комнат вытканы были из такого плотного шелка, что не всякой корабелей порежешь. А сабли эти польские, да прямые итальянские спады, да — в ладонь шириной — итальянские чинкуэды и шотландские клейморы, да арабские скимитары и

янычарские ятаганы были во множестве по стенам развешаны, потому что прежние хозяева любили кичиться редкостным оружием. Мебель местные мастера выточили из заморского дерева — красного и черного, розового и желтого — и даже такого, что за сугубую крепость свою именуется железным. В клетках и вольерах сидели редкостные заморские птицы и пели; иные из них могли говорить на человеческом языке. Но самым большим сокровищем замка были мужские кунтушовые пояса — привозные и работы местных слущких и несвижских «персиярен». На один такой «литой» пояс тянутого и крученого золота и серебра шло аж до полуфунта, а ведь еще переливчатый узор на них выводили. «Полулитые» кушаки, где с золотом и серебром соединялись разноцветные шелка, были не так дороги, однако еще красивей. Но гордостью хозяйской были два одинаковых пояса, прозванных Близнецами: один из Стамбула, в него были вотканы изображения цветов из знаменитого сада Эзбекие, а другой — из здешней несвижской мануфактуры. Головы последнего, то есть самая красивые части на поясных концах, были сделаны самим Пасхалием Якубовичем, которого за редкостное умение и усердие сам король сделал шляхтичем. Некогда один из Радзивиллов приказал мастерам соткать точную копию драгоценного константинопольского пояса, но они не удержались — присовокупили богатую золотную бахрому, отчего пояс стал еще краше. На стамбульском кушаке махры ведь первородные, из основы. Ну а чтобы уж совсем не спутать близнецов, мастер Пасхалий вплел в орнамент каждой головы пояса свой фамильный герб.

— Мастер? Я бы уж скорее думал — мастерица, ведь их ткали, эти пояса.

— Из волоченого и крученого золота? Ну да, как же. Семь лет учиться, а потом как под замком тайну хранить — ни одна девушка это не выдержит. Уж не говоря о том, что женкам подобная работа была не по силам — там еще катать надо эти пояса, — люди свято верили, что от нежных ручек всё золото враз потускнеет. Даже помочь надеть такой пояс — а он широкий был и длинный — звали другого мужчину.

— Представляю, каково было Басе в царстве рукотворных чудес.

— Именно. В любви да в холе, как былинка в поле. Королевой она, конечно, таки смотрелась в роскошных платьях, кунтушах да шубках, однако... Попробуй пересадить лесную незабудку или степной василёк в тучную землю да еще на яркое солнце.

— Увяла?

— В полгода сгорела. То ли скоротечная чахотка, то ли,

поговаривают, завистники отравили. Люди так всегда полагают, коли смерть неожиданная приключится. Спасибо, колдовством не посчитали — охота на ведьм уже перестала быть в моде. Барбаруто одна старая знахарка из последних сил из могилы тянула: Зося не Зося, Беата не Беата, что разницы.

Да, Жигимонт точно каменный стоял, когда его молодую жену в фамильный склеп опускали — на ярус ниже, чем самые тайные подвалы сокровищницы, и в свинцовом гробу с таким окошком. Натянул на себя траурный жупан и кунтуш — и пояс свой драгоценный на черную сторону повернул.

С тем и жил дальше. Жил и помаленьку с глузду съезжал. Там ведь, под землей, сухо, прохладно, тело и без свинцового футляра нетленным остается — вот князь и решил, что Бася его не умерла насовсем и еще ожить может.

А тем временем оказался в Юровичах проездом из Санкт-Петербурга в Париж известный граф Феникс. Не иначе жирный кус почуял.

— Ну как же в хорошей сказочке без Калиостро? Никак.

— Послушай. У Екатерины Второй, той самой, что и с самим Каролом Пане-Коханку зналась, этот шарлатан бывал? Бывал. Напаскудил там? Напаскудил. Через город Смоленск его на курьерских обратно во Францию прогнали? Прогнали.

— Ладно, допустим, поверил я. Что дальше?

— А дальше — подкатывается наш граф к Жигимонту и говорит: «Оживлю я, ваць-пане, любимую супругу вашу, только дорого это будет вам стоить».

А тот, понятное дело, согласен. Без ума же совсем — и что не о сокровищах его, не о дукатах звонких речь, не додумался. Может, сам и попросил того шарлатана итальянско-французского об услуге.

Ну, как уж там дело обернулось, не знаю. В чернокнижии я, натурально, не силен. Договорились, что поднимет граф Басю из гроба — но не телесно, а пока только душу одну. Ибо закаменела плоть. Только, говорит, не думайте, пан Жигимонт, сразу обнимать — целовать ее: растает как сахарная. Погодите самую малость.

Что уж наш молодой вдовец посулил колдуну иноземному — Бог один ведал. Но, я так думаю, знахарка тоже кое-что услышала, а более того догадалась: потому что улучила кое-как она минуту, подобралась к Жигимонту и говорит:

— Чует мое сердце, кое по нашей ласточке покойной болит, хоть и куда поменее твоего. Вызвать ее душу из рая твой клятый граф вызовет, не стану спорить, да только здесь и оставит. Таковую, что навечно будет к замковому камню прикована, если

послушаешь его.

Привидение, то есть. Дух бесплотный и неприкаянный. Тень души бессмысленную.

— А с нею и тебя к камню прикует, и замок с его чудесами в полное владение получит, — говорит знахарка далее.

— Не нужен мне замок, — отвечает Жигимонт, — а богатства уж, можно сказать, я графу Фениксу и так пообещал.

— Ну а душа твоя бессмертная тебе нужна ли? — говорит эта то ли Беатриса, то ли Зофья. — Не веришь мне или веришь наполовину — но что тебе стоит меня в мелочи послушаться?

— В какой мелочи? — отвечает молодой князь. А он уж насторожился: не на плохом счету эта старуха была в замке.

— Рукой ты своей женки и впрямь не касайся, — говорит она. — Возьми Близнецов и одним кушаком, персиянским, сам подпояшься, а другой сразу же, как увидишь светлое облачко или иное что, на княгиню похожее, набрось на нее и оберни покрепче вокруг стана. А там посмотришь, что будет.

Ну, в назначенный срок, в полнолуние, отослал князь всю прислугу из стен; а птиц еще раньше кого на волю выпустил, кого подарил.

Вот взошли молодой князь и чародей Феникс на самый верх толстенной стены, и стал граф говорить басурманские слова. У князя один кушак вокруг кунтуша повязан, другой за пазухой спрятан. Бормочет граф свои словеса, курит снадобьями своими чародейскими, дурманными...

И тут луна взошла — большая и вся как дорогое серебряное блюдо. Отразился ее свет в одном из зубцов крепостных, будто в зеркале — и видит князь, что движется навстречу ему светлая тень, обличьем точь-в-точь покойница. И улыбается тихо да легко.

Выхватил тут Жигимонт из-за пазухи пояс с заморскими травками и цветами, набросил на тень и еще закрутил как аркан. А потом притянул к себе серебристую дымку и поцеловал прямо в губы. И вознеслись оба кверху, к луне.

Завизжал тут страшно чародей, рванулся к супругам — ан тут ушла у него из-под ног земля. Вместе с замком и его сокровищами.

Говорят, невредимы они остались, все как есть — только колдун пропал неведомо куда. И сам замок, и брильянты на стенах целы, и оружие бесценное, и дерево, и картины живописные, о которых я не успел много сказать, и даже дорогие книги. А сторожат это богатство двенадцать золотых апостолов, чтобы никто недостойный на них не покусился.

Сверху же только ворота замковые остались, с такой аркой, а на щит с двойным гербом: Радзивилловы трубы, меж двух

верхних — агнец со стягом, что он копытцем придерживает, и на стяге крест.

Тут увидели те, кому рядом быть случилось, как вышли, обнявшись, из порушенных врат двое: Жигимонт и Барбара. Только не обыкновенные люди они были, а будто два кубка алебастровых, два сосуда из матового хрусталя, светящегося изнутри, и ни былинки под их стопой не пригибалось. Оба в одинаковых мужских поясах, только у нее посреди узора горит ясным пламенем точно такой же ягненок с пасхальной хоругвью, как и на гербе.

И поняли тогда те, кто видел, что оборонил их добрых господ Христос, а с ним и апостолы, и дал им единую плоть на две светлые души.

Но так как не берут в Божий Рай во плоти никого, то бродили супруги круглый год по окрестным лесам и полянам, то цветущим, то заснеженным, но мало кому удавалось их видеть. А от того, что любила Бася дикие цветы, луговые, полевые и лесные, куда более пышных заморских, — так что даже жить без них не умела, — то и на Басином поясе вволю расцвели гвоздики, шиповник, маки, колокольчики и ромашки. Целые их букеты вырастали не из ваз, а из простых лесных пней и коряг, будто весну носила она с собой, куда бы ни пошла.

Говорят, что ходили-бродили супруги, не старея нисколько, лишь половину долгого человеческого века. А как пришло время им помирать, укрылись от людских взоров в укромном месте и крепко обнялись — так крепко, как однажды обнял Жигимонт свою Басю, чтобы душу ее и свою не потерять.

Он вздохнул и замолчал.

— Лихо закручено, — сказал я, — совсем как та золотная пряжа. Ну, почти все твои события подверстаны к концу галантного столетия, кроме истории королевы Барбары и короля Сигизмунда-Августа, которую ты из шестнадцатого века стянул. Однако перетасовал ты эти картинки, будто шулер колоду, да еще Алексеем Николаичем Толстым сверху присыпал. Я так думаю, если начать высчитывать по годам и рисовать схемы... Эй, а у Кароля Радзивилла разве были потомки — при его буйном образе жизни? И он чего — с урожденной Якубович, выходит, породнился? Ну ты даешь, земляк.

— Я ж говорил — не мешай враки сочинять.

— А я и не мешал... Постой. Ты что, хочешь мне внушить, будто те двое в кушаках из раскопа — они и есть?

— Я только говорю, что о разрытой могиле тебе волноваться не стоит. Ладно будет, если вы позовете местного ксендза и за

упокоей душ помолитесь да кости в освященную землю опустите. Жигимонт с Барбарой ведь в такую и легли когда-то. Или поверх нее. А пояса эти... что ваши главные с собой увезли. Они моим милым детям больше и не нужны, а вам польза. И слава. И память. Вот, кстати, держи: из них — одному тебе. Глядишь, и найдешь себе пригожую белявочку. Да ты погадай на имя, на палец накрути, дипломант этакий!

Уходя, он прилепил к моему рукаву тончайшую извитую нить бледно-золотого оттенка, и я машинально обмотал ее вокруг пальца. Странное дело — длинная по виду волосинка после второго же оборота четко соскальзывала.

— Бася, — громко сказал я. — Ну и что такого, пускай будет Барбарой или Варенькой, я не против. И против короткой стрижки тоже слова не скажу. Спасибо тебе, Тадзь, хоть и выдумщик ты прямо несусветный!

© Copyright: Тацiana Мудрая, 2011